

ИЗУЧЕНИЕ ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОРА

Традиционная культура закамской диаспоры неоднократно привлекала внимание зарубежных и отечественных исследователей. В большей степени сбором информации на территории проживания закамских удмуртов занимались ученые-путешественники, этнографы, языковеды и фольклористы: П. Хайду, У. Хольмберг, И.Г. Георги, М. Бух, П.С. Паллас, И.Н. Смирнов, Н.С. Попов, Н.И. Тезяков, И.В. Яковлев, В.Е. Владыкин, М.Г. Атаманов, Т.Г. Владыкина, В.К. Кельмаков, Р.Ш. Насибуллин, И.В. Тараканов, Г.А. Никитина, И.А. Косарева, А.В. Черных, Т.Г. Миннихметова, Р.Р. Садилов, Г.Н. Шушакова, Е. Тулуз. Н.В. Анисимов и др. Однако песенная традиция не была объектом столь пристального внимания, за исключением отдельных статей [Миннихметова 1989; Vikár, Bereczki 1989; Нуриева 2002; Нуриева 2013; Смирнова, Бочкарева 2020; Пчеловодова, Анисимов 2020; Пчеловодова, Анисимов 2022] и дипломных работ [Камалтдинова 2007; Бочкарева 2020].

Все исследователи сходятся во мнении, что закамские удмурты являются ревностными приверженцами «дохристианских форм религиозных верований» [Никитина 2016: 42], которые сегодня принято называть понятием традиционная или этническая религия [Садилов 2019: 40–41]. Именно эта сторона традиционного уклада жизни до сих пор представляет наиболее ценный источник уникальности данной диаспоры.

Этнографические источники и работы фольклорного направления конца XVIII – начала XXI вв. содержат лишь фрагментарные сведения о песенных жанрах в рамках описываемых обрядов закамских удмуртов, не раскрывая полного представления о музыкальном фольклоре [Паллас 1788; Георги 1799; Buch 1882; Смирнов 1890; Путешествия к удмуртам и марийцам 2014; Владыкин 1994; Владыкина 1997; Миннихметова 2000, 2003; Шушакова 2005; Садилов 2019]. Среди них выделим опубликованные материалы удмуртских исследователей Т.Г. Миннихметовой и Р.Р. Садилова, которые в своих трудах приводят тексты песен и контекст их бытования [Христолюбова, Миннихметова, Тимирязева 1989; Миннихметова 1989, 2000, 2001, 2003; Миннихметова, Садилов 2005; Садилов 2001, 2006, 2008, 2019]. Необходимо отметить, что сами ученые являются представителями закамской группы удмуртов (Бураевский район РБ).

Отдельного внимания заслуживают работы пермского ученого-этнографа А.В. Черных, посвященные традиционной культуре куединских, или буйских, удмуртов [Черных 1995, 2002, 2008а, 2008б]. В своих трудах ученый подробно описывает историю заселения, дает характеристику обрядовой культуры, особенности религиозно-мифологических представлений и этнического самосознания местных удмуртов. Песенная традиция буйских удмуртов получила освещение в музыкальном диске, который был создан при активном участии исследователя. Диск выпущен в рамках серии «Золотой фонд Пермского края» [Антология...: электр. ресурс] и содержит материалы, собранные во время экспедиций 2007–2008 гг. Тексты песен опубликованы в издании «Антология традиционного фольклора народов Прикамья» [Антология... 2013]. В сборнике представлены гостевые, свадебные, рекрутские, похоронно-поминальные, колыбельные, лирические песни и плясовые такмаки-частушки на трех языках (удмуртский, русский, английский)³.

В 2007 г. в свет вышел box-set из 6 дисков под названием «Бускельёс» («Соседи») в рамках проекта «New Song From An Ancient Land» («Новая песня древней земли») [Бускельёс 2007]. Проект был реализован под руководством А. Юминова и при участии научного консультанта М.Г. Ходыревой. Это издание имеет высокую ценность, благодаря качественным аудиозаписям песенных и инструментальных образцов музыкального фольклора удмуртов, проживающих за пределами Удмуртии, в соседних регионах (республики Татарстан, Башкортостан, Мари Эл и ПК). Три диска из шести посвящены музыкальной традиции закамских удмуртов – это дд. Уразгильды и Вязовка Татышлинского района РБ, д. Старый Варяш Янаульского района РБ, д. Гожан Куединского района ПК.

Традиционная культура и современная жизнь закамских удмуртов нашла отражение в третьем выпуске научного альманаха «Аутентичная география» (под ред. С. Мальцевой, автор проекта А. Юминов). К альманаху прилагается два аудиодиска с экспедиционными записями из фондов Научного архива УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН [Аутентичная география 2011].

Начало этномузыковедческих исследований по рассматриваемой традиции можно связать с именами венгерских ученых – этномузыковеда Ласло Викара и лингвиста Габора Берецки – это сборник удмуртских народных песен 1989 г., вышедший в серии книг по песенным традициям народов Волго-Камского региона (мари, чувашей, удмуртов, татар) [Vikár, Bereczki 1989]. Относительно песен закамских удмуртов или, как авторы их называли, восточных удмуртов, они отметили значительное тюркское влияние: песни основаны на мажорной пентатонике с использованием орнаментальной техники [Vikár, Bereczki 1989: 10]. Относительно структуры поэтического текста исследователи пишут, что половина песен имеет форму четверостишия, другая половина основывается на трехстишии. Последнее, по мнению авторов, характерно не для татарской традиции, а для культуры низовых чувашей (анатрийская чувашская группа по обозначению Л. Викара и Г. Берецки) [там же].

³ По песенному фольклору куединских удмуртов предполагается подготовка отдельного нотного сборника под руководством А.В. Черных.

Этномузыковед И.М. Нуриева, проанализировав напевы, записанные венгерскими исследователями на территории проживания закамских удмуртов в 1970-е гг. (Янаульский, Татышлинский и Илишевский районы РБ), отмечает «широкое бытование на то время календарных жанров, в частности, исполняемых на Пасху (напевы Великого дня *Будӹинал куй*), масленичных, проводов воды⁴, трудовых песен (напев мытья пряжи)» [Нуриева 2013: 153], фиксация которых в современных экспедиционных поездках является большой редкостью и удачей. В целом И.М. Нуриева, опираясь на песни из сборника Л. Викара и Г. Березки, а также экспедиционные материалы конца 1980-х – начала 2000-х гг., выделяет два стилиевых пласта: архаичный и поздний. Если последний является следствием влияния татарской песенности (это проявляется в полном пентатонном звукоряде, мелодия имеет две опоры – основную и побочную, как и татарские песни, а также в заимствовании мелодий татарских песен – это жанры гостевых и рекрутских песен), то первый – архаичный стилиевой слой – отличается узкообъемным диапазоном напевов (трехзвучный звукоряд), в некоторых случаях одностроичной формой мелострофы. К ним относятся календарные и свадебные напевы [Нуриева 2013: 153, 156].

Особого внимания, по мнению И.М. Нуриевой, заслуживают календарные напевы, так как именно они обладают выраженной музыкальной диалектной спецификой [Нуриева 2013: 156]. Любопытные указания оставил удмуртский лингвист Р.Ш. Насибуллин к песенным образцам календарного обряда Великий день из д. Ватка Янаульского района. Согласно его сведениям, на 1970 г. здесь зафиксирована традиция мужского и женского исполнения этих напевов [цит. по: Нуриева 2013: 157]. Последнее является единственным упоминанием подобного рода в удмуртском этномузыковедении. Однако экспедиция 2023 г. не подтвердила этого тезиса, что может быть связано с угасанием исполнения календарных напевов и в целом традиции проведения обряда *Быдӹыннал*. Кроме того, единичные примеры оставляют вопрос открытым, требуя дальнейших исследований и анализа.

Значительные дополнения к исследованиям по песенной традиции закамских удмуртов вносят выпускные работы студентов высших учебных заведений. А.В. Камалтдинова в своей работе «Допесенное и песенное интонирование в музыкальном фольклоре закамских удмуртов (методика полевых звукозаписей)» (науч. рук. И.М. Нуриева) выделяет два вида интонирования, предлагая несколько вариантов их нотаций: графический и нотный [Камалтдинова 2007]. Первый вид интонирования – допесенный – представляют молитвы-*куриськоны*⁵, второй – песенный – рассмотрен на примере гостевых напевов (9 песен) с. Вязовка Татышлинского района РБ. В связи с рассматриваемым жанром интересно наблюдение автора относительно понятия *мӹнль*⁶ *кырӹась* «искусный исполнитель песен», который играет роль не только запевалы, лидера, знатока традиции, но в первую очередь умеет выпевать «сложнейшие мелодические украшения» [Нуриева 2013: 151], создавая неповторимое звучание музыкального образца. Это явление, по мнению И.М. Нуриевой, заимствовано местными удмуртами из татарской культуры. Материалы выпускной работы М.В. Бочкаревой, защитившей свою работу в стенах Казанской государственной консерватории (науч. рук. Е.М. Смирнова), легли в основу статьи «Песенная традиция закамских удмуртов (по результатам полевых экспедиций 2017–2018 годов)» [Смирнова, Бочкарева 2020]. Экспедиционные материалы для своего исследования М. Бочкарева записала в удмуртских деревнях Татышлинского и Янаульского районов РБ как самостоятельно, так и совместно с преподавателями и студентами консерватории, а также участниками вышеупомянутого французского проекта (IUF). В статье анализируются календарные и семейно-обрядовые (свадебные, рекрутские, гостевые, похоронно-поминальные) напевы удмуртов Татышлинского и Янаульского районов РБ с точки зрения ладомелодических и ритмических особенностей, а также в сравнительном аспекте с традицией завятской группы удмуртов, проживающих на территории РТ [Нуриева 1999]. Вслед за И.М. Нуриевой, авторы также выделяют два пласта песен – архаичный, к которому относят календарные и свадебные напевы, и поздний, связанный с заимствованием музыкально-песенного материала в гостевой, рекрутской и похоронно-поминальной обрядности закамских удмуртов.

Таким образом, музыковедами выделяются два стилиевых пласта, каждый из которых представлен своими жанрами: архаичный – календарными и свадебными, поздний – рекрутскими, гостевыми, похоронно-поминальными напевами. Если первый сохраняет черты финно-угорской стилистики, то последний подвергся наиболее сильному влиянию со стороны тюркской музыкальной культуры, что проявляется как с музыкальной, так и с исполнительской точки зрения.

⁴ Напевом проводов воды *ву келян* в своей книге авторы Л. Викар и Г. Березки обозначают напев из д. Вотская Ошъя Янаульского района [Vikár, Bereczki 1989: 243]. Однако и по тексту, и по мелодике данный напев близок напевам обряда Великого дня, в частности напевам из д. Конигово и с. Шудек Янаульского района (№№ 151–152, 168–170).

⁵ Важным компонентом проведения обрядов является произнесение молитв-*куриськонов* wybranymi сообществом жрецами – *куриськись/вӹсьясь*. Отличительной особенностью произнесения молитв можно обозначить так называемую мелодическую речитацию, т.е. проговаривание текста на определенном звуке. Впервые это явление в музыкальном фольклоре закамских удмуртов отметила и проанализировала М.Г. Хрущева в своей монографии «Удмуртская обрядовая песенность» [Хрущева 2001: 26–37]. Исследователь отмечает о сочетании в *куриськонах* жрецами закамской традиции поэтической ритмизованной формы и формы “омузыкаленной”, «где главную роль играют ритм и метр, а звуковысотное интонирование связано с экспрессивностью речи и отражает наиболее естественные интонации удмуртского языка» [Хрущева 2001: 36]. В рамках французского гранта (IUF) «Междисциплинарное исследование анимистического меньшинства России: ритуалы, обычаи и консолидация сообщества закамских удмуртов сегодня» (рук. Ева Тулуз) планируется издание сборника традиционных молитв-*куриськонов* закамских удмуртов с включением нотных примеров. С текстами *куриськонов* можно ознакомиться здесь [Камсьӹр... 2023].

⁶ От тат. *моңлы* – прил 1. печальный, грустный 2. мелодичный, певучий 3. задушевный, лиричный [Татарско-русский...: электр. ресурс].